

В.И. Шаховский

Волгоградский государственный педагогический университет, г. Волгоград

V.I. Shakhovsky

Volgograd State Pedagogical University, Volgograd

ЭМОТИВНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ РУССКОГО МАТА

EMOTIVE LINGUOECOLOGY OF RUSSIAN OBSCENITIES

Ключевые слова: мат, эмотивная лингвоэкология, амбивалентность функций русского мата, экспансия, лексикографическое фиксирование, экоцид: разрушение языка и здоровья человека, экологичность/неэкологичность.

Национальная программа оздоровления языка

Keywords: obscene lexis, emotive linguoecology, functional ambivalence of Russian obscenities, expansion, lexicographical fixation, ecocide: human language and health destruction, (non)ecologicalness, National programme of language health improvement

Анализируется история, называются противоречивые функции, причины широкого распространения мата в коммуникативном пространстве русской лингвокультуры, перечисляются основные причины его популярности во всех сферах общения. Прослеживаются способы и средства ограничения мата в прошлом и предлагаются новые приемы для оздоровления человека и его языка. Мат впервые рассматривается с позиции нового направления современной лингвистики – эмотивной лингвоэкологии. Констатируется факт неэкологичности мата как для здоровья человека, так и для здоровья самого языка.

Analysed history, named contradictive functions, causes of wide obscene lexis expansion in the communicative space of the Russian linguoculture, enumerated basic reasons of its popularity in all spheres of communication. Traced ways and means of obscene lexis usage limitation in the past and suggested new techniques for language and human health improvement. For the first time obscenities are viewed from the position of the modern linguistics' approach – emotive linguoecology. Ascertained the fact of obscenities' nonecologicalness both for human and language health.

*«Ментальность народа
меняется не быстрее, чем его язык.*

*Язык – это и есть самое полное воплощение
мыслительной способности данного народа».*

(В. Гумбольдт)

Мат (в других терминах: *матерная ругань, срамословие, брань, сквернословие, злоречивость, матизмы, матерные слова, инвективы, нецензурность, обценная лексика, чернословие*) существовал всегда. Согласно определению В.Д. Девкина, мат это — «слова и выражения сексуально-фекальной отнесённости или язык с применением этих слов» (Девкин, 2010: 89).

Мат как объект научного изучения

Этимология мата недостаточно еще известна, и его истоки продолжают изучаться.

Многие исследователи задаются вопросом о том, откуда взялся русский мат и к какой лексике он относится: исконно русской или заимствованной. Долгое время считалось, что мат русским принесли татары. Версия о восточном (тюркском) происхождении русского мата, якобы пришедшего к нам во времена татаро-монгольского нашествия (см., например: Попова, 2009), в настоящее время ещё остается популярной в лингвистике. Поскольку изучение мата долгое время было под запретом, то версия его происхождения в условиях татаро-монгольского ига оставалась наиболее распространенной. Когда, наконец, учёные (и прежде всего этимологи) сначала скрыто, а потом всё более и более открыто стали исследовать истоки русского мата, то татаро-монгольская культура была «реабилитирована». Любопытно, что современные монголы полагают, будто непристойные ругательства, бытующие в их языке, напротив, заимствованы у русских (Попова, 2009: 48).

М.М. Маковский пытался осмыслить русский мат через посредство далёких, пусть и родственных, европейских (неславянских) языков (Маковский, 1996: 143). Г.Ф. Ковалёв, критикуя последнего, доказывает, что духовная культура славян генетически ближе не к европейским традициям, а к традициям индо-иранским и что ответ о происхождении «матерных слов» легко обнаруживается в близкородственных славянских языках (Ковалёв, 1996: 146).

Мат в России существовал всегда. По данным М.М. Маковского, основная фаза матерного ругательства возникла ещё в праславянскую эпоху и имеет индоевропейские корни. Е.А. Попова указывает, что автор «Повести временных лет», описывая языческие обряды радимичей, вятичей и северян, упоминает «срамословие» как черту языческого поведения.

Все учёные, обращавшие внимание в своих исследованиях на природу мата, единодушно признавали, что он — неотъемлемый компонент общения. Поэтому мат изучался и изучается с учетом его социальной и этической функции (Борухов, 1994; Жельвис, 1997; Попова, 2009; Седов, 1994; Эпштейн, 2000, 2009 и др.). Даже М.М. Бахтин в «Эстетике словесного творчества» затронул проблему социального и этического значения бранных слов и выражений (Бахтин, 1979). Громкой и вызвавшей широкий общественный резонанс была защита докторской диссертации В.И. Жельвиса, который пытался установить истоки мата на материале около 17

различных языков, что также ставит под сомнение версию о татаро-монгольских истоках русского мата (Жельвис, 1997). Его книга «Поле брани» выдержала два издания: таков был запрос общества. Заметным явлением среди этой литературы является и «Антология русского мата» (Ильясова, 1994).

С благородными целями филологического изучения мата (якобы для сохранения русской традиции) исследователи и в настоящее время обращаются к его языковым и речевым проявлениям. Так, в докторской диссертации А.Ю. Ларионовой, посвящённой вроде бы только граффити, не обошлось без упоминания крепкого матерного словца в качестве примера студенческого общения, запечатленного в росчерках на вузовских партах и стенах туалетов (Ларионова, 2010).

Как уже неоднократно отмечалось в публикациях других авторов, даже классики «заглядывали» под женский подол, но всё это было сокрыто от глаз людских (А.С. Пушкин «Царь Никита и сорок его дочерей»; «Юнкерские» поэмы М.Ю. Лермонтова, «Поп», «Стихи не для дам» И.С. Тургенева и др.).

Не отстают от классиков и современные писатели (Венедикт Ерофеев; Эдуард Лимонов; Виктор Ерофеев; Владимир Сорокин и др.). О «подпольных» инстинктах классиков можно прочитать в книжной серии «Русская потаённая литература», которая публикует произведения, когда-то написанные «в стол». Серия основана научно-издательским центром «Ладомир» в 1992 году с целью систематической научной публикации материалов, так или иначе связанных с маргинальной русской культурой, публичным и приватным в жизни русского человека от седой древности до наших дней. Поскольку маргинальность обычно прямо связана с табуированностью, преодолением писанных и неписанных запретов, норм и правил поведения, в упомянутой серии печатаются тексты (как литературные, так и фольклорные), производившие в момент появления, а порой и продолжающие производить до сих пор эпатазирующее воздействие. Некоторые тома серии «Русская потаённая литература» посвящены темам, о которых «не принято говорить» (см. <http://www.kodges.ru/15541-russkie-zavetnye-skazki.html>).

Особое место среди них занимают «Заветные сказки» А.Н. Афанасьева. В словаре В.И. Даля слово *заветный* определяется как «завещанный; переданный или хранимый по завету, заповедный, зарочный (т.е. секретный), обетный; душевный, тайный; свято хранимый» (Даль, 1978: 565). Вместе с тем В.И. Даль назвал «заветными» и непристойные (эротические) пословицы и поговорки, собранные им. Сама логика нашей жизни предполагает то, что у любого народа должны быть и «заветные сказки», и «неприличные пословицы».

В связи с этим сегодня поле изучения мата расширяется, включая в себя не только рассмотрение его языковых истоков, лексических значений его единиц, его устойчивых выражений в системе языка, но и место мата в современной речи, его изучение с функционально-прагматической стороны общения.

Homo obscenus /Homo impudicus/ Homo indecent / Homo turpis - распространители мата

Мат стал настолько экспансивным и общеупотребительным, что можно говорить о его пандемичности; учёные даже начали усиленно его фиксировать в специальных словарях (Мокиенко, Никитина, 2010; ZPRS, 1973; SDORO, 1980 и др.), как будто опасаясь, что он вот-вот исчезнет (успеть бы!). Но наблюдения за практикой современного общения показывают, что он не только никуда не исчезает, но, наоборот, расширяется по своему составу и по сферам своего употребления. Он проник даже в детскую среду, в язык детей детсадовского возраста. А поскольку словари зачастую воспринимаются носителями языка не только в качестве изданий, имеющих регистрирующую функцию, но и как нормативные издания с предписывающей функцией, то получается, что они автоматически являются для многих пользователей языка своеобразным руководством к действию.

Уже имеются опасения того, что в потенции мат может покрыть всю коммуникативную реальность: см. пример целого нарратива о перемещении пассажира в переполненном автобусе, где всё повествование – мат-текст (Dreizin, Priestly, 1982: 247). Бытует мнение, что нет такой чистой и светлой мысли, которую бы русский человек не смог выразить в грязной матерной форме. Может быть, лингвокогнитологам пора поднять вопрос о матерной картине мира и о матерной языковой личности (*homo obscenus / homo impudicus / homo indecens / homo turpis*)?

Обществом мат активно не осуждается, и, как следствие, инвектантов становится всё больше и больше. Регулярная повсеместная воспроизводимость матерных выражений имеет разрушительную силу. Сейчас, как было показано выше, происходит стихийная легализация мата. Очевидно, что инвективное общение продолжает успешно существовать, потому что оно отвечает сиюминутным потребностям конкретного индивида. В качестве основных причин широкой распространённости матерной лексики В.Д. Девкин называет следующие: утилитарность, удобство, доступность, простоту, десемантизированность, отвлечённость, активность, полифункциональность и нормативную гибкость (Девкин, 2010: 90).

Мат в России так широко распространился и стал настолько общеупотребительным (армия, общественный транспорт, госучреждения, школы, вузы, семья и другие сферы коммуникации, включая медиальные), что даже телевидение, которое само является его медиальным распространителем / пропагандистом (через фильмы, спектакли, прямые эфиры и т.п.), вынуждено было обсудить эту проблему с представителями общественности в специальной программе «НТВшники: Россия без мата» (22.10.2010).

По мнению некоторых лингвистов, в нашей стране в последние годы сквернословие приняло поистине угрожающие размеры, стало национальным бедствием; матерятся взрослые и дети, мужчины и женщины (Попова, 2009: 50). Мат как вербальный, так и невербальный, распространился по всей социальной вертикали: от высших чиновников до младенцев; из фольклора

переполз на сцену и ТВ-экраны (передачи «Эх, Семёновна!» с похабными частушками; «Дом-2»); современные фестивали юморины с юморесками, если не озвучивающими мат, то прямо намекающими на него). Зрители переполненных залов с радостными и восхищёнными лицами приветствуют такие шутки, а значит, они получают от них эмоциональное и эстетическое удовольствие. Некоторые матерятся так изысканно, что невольно заслушаешься. Видимо, есть что-то в мате поэтическое, изящное, привлекательное. Потому он для многих неистребим и востребован.

Статистика мата всё возрастает. Это подтверждает как практика жизни, так и специальные исследования. В речи молодёжи едва ли не через слово – матерные вставки-протезы, которые задевают уши старшего поколения, но пролетают мимо ушей людей молодого. Получается, что над культурой речевого общения доминирует молодёжная субкультура. Культура раздробилась на субкультуры, и мат как культурема стал доминировать в этих субкультурах. Для людей старшего поколения самым страшным является деструктивная функция мата – функция дезинтеграции поколений, с этим трудно примириться, но изменить положения дел сложно, ибо молодёжь получает матерные ориентиры из СМИ, современного искусства, литературы и др. источников. В том, что мы наблюдаем сейчас в распространении мата, проявляется живодействующая связь языка и культуры.

В современном американском романе И. Шоу «The top of the Hill», в котором главными персонажами являются молодые интеллектуалы – журналисты и спортсмены, всё время активно используется слово “fuck”, которое эти «интеллектуалы» варьируют в его 85 дериватах. В английском языке по сравнению с русским значительно меньше матерных слов, но, как видно из этого романа, потребность в их использовании тоже велика.

Замечено, что многие разноязычные иностранцы используют русский мат даже в общении между собой. Это так называемый цитирующий тип мата, который вряд ли несёт ту же экспрессивную функцию в иноязычном общении, что и в русском. Иностранцы замечают в русском мате его эстетическую функцию, и даже поэтичность. Они считают мат специфическим жанром народного искусства, что может быть проблемой для самостоятельного лингвокультурологического исследования. Специальной проблемой является и изучение жанровой разновидности мата.

Системность мата и его изучение

На то, что мат необходимо и дальше изучать в научных целях, указывает не только факт его всеобщности (бытует мнение, что все народы мира сблизятся через русский мат и эсперанто будет не нужен), но и то, что русский мат системен, регулярен, имеет уровневую организацию (обратим особое внимание на грамматику мата) и способен к саморазвитию через свои деривативные потенции по моделям литературного языка. Значит, нужно системное лингвистическое описание языка мата, а помимо этого учет его

типологических параметров, во многом изученных и описанных В.Д. Девкиным (Девкин, 2010: 92-93).

В одной из иностранных публикаций на английском языке рассматривается проблема системности русского мата (Dreizin, Priestly, 1982). В данной статье приводятся многочисленные матерные дериваты, таблицы, усиливающие аргументацию авторов о субститутной функции мата, т.е. его экспрессивной синонимичности нормальному языку. В статье рассмотрены лексический, деривационный и синтаксический аспекты. Со скрупулёзной точностью и стилистической вариативностью (спунеризмы, контаминация, блендинг и др.) в изобилии приводятся откровенные примеры мата из русского языка в латинской орфографии. Особенно интересны примеры перефразировки русских пословиц и поговорок на матерный манер (по этическим целям примеры не приводим). Трансформируя грубую семантику в юмористическую, производятся замены некоторых слов исходной пословицы на матерные слова, что заставляет звучать их комично и производит противоположный – юмористический – эмоциональный эффект. В этом смысле авторы и говорят о поэтике русского мата (Dreizin, Priestly, 1982: 233—249). А значит, это – язык, который, несомненно, должен изучаться, чтобы научиться им управлять и тем самым лишить его власти над нами.

Семантико-прагматические функции мата

Сквернословие прямо связано с психическим состоянием инвектанта. А ведь изначально мат был предназначен для оскорбления как замена физического нанесения боли. С давних пор мат стал сублимацией драки: «...тот дикарь, который первым на свете обругал своего соплеменника вместо того, чтобы, не говоря худого слова, раскроить ему череп, тем самым заложил основы нашей цивилизации» (кочующая цитата).

Функционально мат является амби- и даже поливалентным. С одной стороны, он имеет ряд положительных моментов: психологическая разрядка / облегчение в экстремальных ситуациях, состояниях безысходности, отчаяния, при сильных болях, раздражении, в стрессовых ситуациях злости и ненависти (многие из этих моментов были причинами употребления мата изначально). Такое использование мата реализовывало в известном смысле его положительную валентность. Некоторые лингвисты называют эту функцию ещё и регулятивной, так как использование мата служит сбросу переизбытка психической энергии, то есть «канализации» эмоций. В литературе приводится такой пример: советские солдаты на стенах Рейхстага выразили очень бурно свои эмоции матом. Некоторые из них были такого содержания, что «пьяный матрос в портовом кабаке покраснел бы до корней волос». В этой конкретной эмоциональной ситуации мат выполнял терапевтическую функцию, так как заканчивался катарсическим эффектом для солдат-победителей.

Другой положительной функцией мата считается его способность к дефрустрации. Положительной валентностью обладает и смеховая, игровая, карнавальная функции мата. К этой же функции можно отнести и

использование мата для забавы (в частушках, например, концертных юморесках) и как средство эпатажа (нередко у артистов). Интегративная функция инвективов снимает оппозицию «свой – чужой», что тоже является положительным моментом в общении. Выполняя фатическую функцию, мат является средством эмоционального обмена, который амбивалентен онтологически и зависит от конкретной эмоциональной коммуникативной ситуации.

Мат – удобное средство материализации недифференцированных эмоциональных смысловых нюансов, ощущений; средство обобщения лингвистической недостаточности и средство сокрытия языковой ущербности говорящего: язык беднее явления. Когда попросту не хватает слов, их заменяют матом. Мат удобен, так как диапазон его значений практически безграничен для выражения личных эмоциональных смыслов (существуют матерные «синонимы» к нейтральным общеупотребительным литературным словам, что и отражено в специальных толковых словарях).

На первый взгляд, из всего вышеперечисленного может показаться, что мат только положительно валентен. Однако это явно не так. И начнём хотя бы с того, что он оскорбителен, груб, вульгарен, а значит, неэтичен, нетактичен, некорректен, нетолерантен, невежлив, неприличен, т.е. неэкологичен, по крайней мере, для адресата / наблюдателя. Кроме этого, он ещё и эмоциогенен, так как несёт отрицательную энергетику и является стимулом для проявления негативных реакций: ментальных, психических, вербальных, невербальных, акциональных. Всё это – отрицательные эмоциональные валентности мата. Среди отрицательных функций мата долгое время одной из самых сильных была функция проклятия, которая сегодня уже почти стёрлась.

Мы не материмся, а разговариваем на мате

Наш народ давно уже не матерится, а «разговаривает на мате», который стал для многих вторым родным языком, что и подтверждает вышеупомянутая ТВ-передача. По наблюдениям М.Н. Эпштейна, зачастую мат становится неощутимым в своём неприличии, просто способом разговора. Он приводит такой пример: вокруг Успенского собора толпятся стайки молодых девушек и людей, и каждое второе слово – мат. Это даже не срамословие, они так просто общаются между собой (Эпштейн, 2009). Так же теперь общаются школьники, студенты и взрослые люди разных специальностей и образованности как между собой, так и в общественных местах.

В то же время нельзя не отметить противоположную тенденцию – разрушение собственного экспрессивного потенциала мата. Мы объясняем потерю изначальной функции мата – функции выражения эмоций и оскорбления – его экспансивностью и безнаказанностью. Например, слова, обозначающие сакральные мужские и женские органы детопроизводства, все чаще употребляются молодёжью не в актуальном эмоциональном, а в безразличном, вялом, циничном контексте. В связи с этим данные слова

утратили даже ту страстность бранного посыла, которая в них когда-то подразумевалась (Эпштейн, 2009). Широкая распространённость мата в современном функционировании нейтрализует его противоположные валентности, когда он и не оскорбляет, и не выражает никаких эмоций, никаких нейтральных синонимов не заменяет, а становится нормативным средством общения. За счёт экспансии мата снижается его экспрессивность, происходит мутация функции мата, а его функционально-семантические оппозиции «оскорбителен – неоскорбителен», «экспрессивен – неэкспрессивен», «прагматичен – непрагматичен» нивелируются.

Эмотивная лингвоэкология

Наступила пора для экологов языка бить в рынду тревогу, созывая народ на вече народное – «что буум делать?». Мат изначально связан с эмоциями человека, поэтому это горячая проблема для нового направления лингвистики — эмотивной лингвоэкологии (Шаховский, 2010).

Мат сужает языковое мышление, сознание, язык до узкого примитивного круга мировоззрения. Это прежде всего относится к функции самовыражения. Известно, что зачастую *homo obscenus* сначала заметно, а потом незаметно снижает свою самооценку и переживает это, а потом и не переживает, тем самым, нанося ущерб своему психическому и ментальному здоровью. Именно поэтому так важна связь валеологии, экологии и лингвистики в новой отрасли языкознания – эмотивной лингвоэкологии.

В коммуникативном плане мат сужает языковой круг до языкового круга зеков. Однажды люди могут проснуться и увидеть, что вокруг осталась одна только «зона», ничего больше. Зато все люди друг другу будут зеки. Опасность состоит в том, что круг общения может сузиться только до мата, и осознание мира тоже сузится до этого же уровня. Какой же длины тогда будет, в терминах Л.М. Веккера, «концептуальный мост» между языком и сознанием, и будет ли вообще этот «мост»? (Веккер, 1998). Скорее всего, останется только когнитивная несостоятельность коммуникантов. Все это указывает на явно негативную перспективу культуры и языка.

Б.Л. Борухов задаётся вопросом: если прав М. Хайдеггер и язык в самом деле судьбоносен, то народу, выбравшему мат, выпала страшная судьба. Ибо мат – не просто один из существующих языков, это «язык народа с больной душой», «народа, которому грозит опасность превратиться в стадо» (Борухов, цит. по: Хайдеггер, 1993: 271).

В дискуссии, проводившейся в передаче «НТВшники: Россия без мата» (22.10.2010), почти половина участников высказывалась за легализацию мата, т.к., по их мнению, мат – неотъемлемая часть русской культуры (ср. с высказыванием В. Гумбольдта: «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык»). Даже священнослужитель в одном из обсуждаемых на этой передаче роликов допускал его использование в своей речи. Как состояние души мат является зеркалом ментальности народа, и сегодня можно видеть – ментальности, увы, ущербной.

Мат становится всё более и более агрессивным в своей экспансии: фактически уже наступила пора, когда, как можно предположить, мат составляет суть бейсик-рашн, делающего общение примитивным (Девкин, 2010: 91). Очевидно, что замалчивать это явление становится всё более и более опасным. Оно требует внимания широкой общественности и специалистов в областях юриспруденции, лингвистики, социологии, культурологии и др. Все эти институты и науки должны объединиться и объяснить своему народу вредоносность мата для его здоровья, ментальности, культуры и экономики. А поэтому необходимо что-то делать.

Как бороться с матом?

Сигналом чего является мат? Ответом может быть, среди прочих, и такой: мат – отражение уже изменённого сознания, мышления, речевой культуры, нравственности, пристрастий, вкусовых предпочтений. Мат стал потребностью, и в этом плане он может быть сравним с наркотиком. Как и от наркотика, от использования мата некоторые люди получают удовольствие. Можно говорить не только о потребности в мате, но и о зависимости от него. Так же как и наркотик, мат разрушает личность, отменяет прежние ценности, требует ещё, ещё и ещё. Отсюда и каскад матерщины, ее «многоэтажность» (в духе «17 матерных коленец Петра Великого»). В этом смысле можно сказать об очередном новобранце-матерщиннике, что он «подсел» на матерный наркотик.

Поскольку воспроизводимость матерных выражений всё учащается и активизируется, вовлекая всё новые слои, социальные группы населения, проблема «что делать с матом?» становится объектом изучения социолингвистики, лингвокультурологии и лингвоэкологии. Всё более очевидно для специалистов-филологов становится, что такая активность мата ведёт к экоциду, т.е. к убийству духа народа, который и есть его язык, по В. Гумбольдту.

Как свидетельствует специальная литература, мат в России существовал всегда, но никогда не был узаконен. На Руси сквернословие считалось таким же тяжким грехом, как и любое другое плохое дело, приравнивалось к нарушению христианских заповедей и было наказуемо (осквернившему себя руганью в этот день запрещалось входить в церковь, с ним вместе нельзя было принимать пищу) (Маковский, 1996: 143; Попова, 2009: 48-49). Так, например, цари Иван Грозный, Алексей Михайлович издавали указы, ограничивающие употребление мата. Значит, боролись же. Есть и другие примеры, показывающие, что люди обходились без мата, т.к. у них не было потребности в нём. Л.Н. Толстой написал о войне и мире без единого матерного слова, но ведь мы всё поняли. Значит, можно без него обойтись? Точно известно, что никогда не матерились (по их собственному признанию), два всемирно известных человека: лауреат Нобелевской премии Владимир Набоков и академик Дмитрий Лихачев. А значит, можно утверждать, что мат не облигаторен.

Есть примеры и современной борьбы с матом: губернатор Белгородской области несколько лет назад ввёл штрафы за мат, квалифицируемый как мелкое хулиганство. Был и премиальный процент милиционерам, на штрафовавшим большее количество матерщинников. В Германии существовали штрафы за невербальные матерные перепалки между водителями.

По свидетельству Е.С. Кара-Мурза, сегодня в России список матерных лексем почти составлен, и теперь нужно правовое привлечение к ответственности за их публичное использование. Трудность заключается лишь в дефиниционном разграничении мата как оскорбления и мата как аффектива.

Истоки и этимология мата еще недостаточно хорошо изучены, также как недостаточно хорошо описаны его многочисленные функции, а вот его этический, социальный и психологический вред для здоровья – то, что требует исследования и выработки рекомендаций по его редукции, вообще мало изучены. Еще недостаточно проанализированы и не предложены русскоязычному обществу формы и методы его изъятия из общения, как межперсонального, так и группового. Для этого должна быть властная воля со стороны государства, так как без нее все попытки исправления ситуации со стороны низов, руководителей регионов, исследователей, воспитателей останутся неэффективными.

В связи с этим считаем, что необходима специальная программа по борьбе с матом, скорее всего, национального масштаба, под эгидой Министерства образования и науки, Министерства культуры и Министерства юстиции, которая позволила бы разработать правовые основы дискурсивных практик, стилей и стратегий общения без мата. Главной целью этой программы должен быть комплекс задач по элиминированию потребностей общающихся на матерном языке людей.

Одной из задач этой программы должна стать разработка методологии воспитания у человека внутренней цензуры и развитие самоконтроля, сообразности эмоционального состояния условиям общения. А это, по Д. Гоулмэну, является конституентом эмоционального интеллекта (Goleman, 1997). Следовательно, воспитание и образование граждан страны как общегосударственная задача должно включать воспитание эмоционального интеллекта граждан, ибо без эмоций не существует никакого общения (Шаховский, 2008). А учить управлять ими нужно наравне с обучением правилам речевой культуры, чтобы язык использовался по назначению - как средство возвышения человека, а не как средство его унижения (Шаховский, 2009). Мат необходимо удалить от ушей детей. И первым шагом на пути создания такой Национальной программы можно считать подписанный 29 декабря 2010 года президентом РФ Д.А. Медведевым закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Как социолингвистическая проблема, мат остаётся связанным с этикой общения, здоровьем коммуникантов и всего общества.

Вместо заключения

В данной работе частично представлен анализ функциональной специфики мата, его распространённости, степени его изученности с разных сторон и фиксированности, чётко обозначен его вред для психического и нравственного здоровья, как общества, так и человека говорящего, установлена амбивалентность (поливалентность) его функций, обобщены и предложены методы и способы его ограничения, поскольку полностью устранить его невозможно.

Ругань как особая сторона поведения существует, существует и тематика, которую в приличном обществе принято не затрагивать. В.Д. Девкин считает: «как для врача не должно быть каких-то «плохих» частей тела и «дурных» болезней, так и для лингвиста, имеющего дело с языком во всём его реальном многообразии, невозможно закрывать глаза на то, что объективно существует. Как бы омерзителен мат ни был, он есть и требует к себе внимания (Девкин, 2010: 89).

Повторим, что срочно необходима Национальная программа борьбы за культуру речи, т.е. за общение без мата. Тем более что многие филологи, лингвисты, некоторые общественные деятели готовы составить значительный резерв разработчиков этой программы и ее реализации в российском коммуникативном пространстве. Необходима «дематизация» этого пространства. Не исключена возможность, что в связи с этой программой возникнет новое направление науки – лингвоинженерия, т.к. по этой программе будут нужны не столько лингвохирурги, сколько создатели – инженеры, реконструирующие новый (старый) Великий Русский Язык.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. - М.: Искусство, 1979. - 424 с.
2. Борухов Б.Л. Мат как философия жизни // Дом бытия. Лингвофилософский альманах. - М., 1994. - Выпуск 1. - С. 11-30.
3. Веккер Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. - М.: Смысл, 1998. - 685 с.
4. Девкин В.Д. Эстетический аспект. Сниженность. / Школа В.Д. Девкина. Описание разговорной речи: проблемы и перспективы / сост. И.П. Амзаракова, В.А. Савченко; под ред. И.П. Амзараковой. - 2-е изд., перераб. и доп. - Абакан: изд-во ГОУ ВПО «Хакасский ГУ им. Н.Ф. Катанова», 2010. - С. 88-95.
5. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / Худож. Д. Шимилис. - М.: Ладомир, 1997. - 330 с.

6. Ильясова Ф.Н. Антология русского мата. - М.: Лада, 1994. — 304 с.
7. Ковалёв Г.Ф. Ещё раз о русском мате (По поводу статьи М.М. Маковского) // Филологические записки. - Воронеж, 1996. - Выпуск 7. - С. 145-148.
8. Ларионова А.Ю. Неформальный студенческий дискурс: социолингвистический и лингвокультурологический аспекты (на материале граффити): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2010. - 42 с.
9. Маковский М.М. Русский мат // Филологические записки. - Воронеж, 1996. - Выпуск 7. - С. 143-145.
10. Попова Е.А. О сквернословии // Русская речь. - 2009. - № 1. - С. 48-52.
11. Седов К.Ф. Русский мат и уровни становления языковой личности // Дом бытия. Лингвофилософский альманах. - М., 1994. - Выпуск 1. - С. 31-40.
12. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. - М.: Гнозис, 2008. - 416 с.
13. Шаховский В.И. Унижение языком. Контекст коммуникативного пространства России // Стратегия России. - 2009. - № 12 (72). - С. 51-57.
14. Шаховский В.И. Роль эмотивности в медиа-экологии // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире – 5: сборник статей; V Международная научно-практическая конференция (2010; Волгоград) / отв. ред. Г.Г. Слышкин, И.С. Бессарабова; ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы». - Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», 2010. - С. 223-226.
15. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. и комм. В. В. Бибихина. - М.: Республика, 1993. - 447 с.
16. Эпштейн М.Н. Мат — язык тех, кто ничего не может // Огонёк. - 14.12.2009. - № 31 (5109). - С. 43-44.
17. Эпштейн М.Н. Однословие как литературный жанр // Континент. - 2000. - № 104. - С. 279-313.
18. Dreizin F., Priestly T. A systematic approach to Russian obscene language // Russian Linguistics. 1982. - № 6. - P. 233-249.
19. Goleman D. The Emotional Intelligence. Why It Can Matter More than IQ? – Bentam Books, 1997. – 354 p.

Электронные источники

20. OZON.ru: Русская потаённая литература. - Издательство «Ладомир» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kodges.ru/15541-russkie-zavetnye-skazki.html> (дата обращения 20.01.2011).
21. Русские заветные сказки в обработке А.Н. Афанасьева // [Электронный ресурс]. URL: www.hobbitaniya.ru/afanasyev/zavetnaskazki.php (дата обращения 20.01.2011).

22. Эпштейн М.Н. Вызов мату, или новый любовный словарь // [Электронный ресурс]. URL: Культура письменной речи. <http://www.grammar.ru/KOL/?id=1.42>. (дата обращения 26.09.2010).

Масс-медиаальные источники

23. Лысенко Б. Нецензурные выражения на стенах рейхстага // Известия. - 12.09.1996. - №171. - С. 3.

24. Телевизионная программа «НТВшники: «Россия без мата»» (22.10.2010; 23.00-0.00 часов).

Лексикографические источники

25. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. - М.: Русский язык, 1978. – 699 с.

26. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. – М.: Олма Медиа групп, 2010. – 384 с.

27. SDORO: Short Dictionary of Russian obscenities. Compiled by D.A. Drummond and G. Perkins. Second, revised edition. – Berkley: Berkley Slavic specialities, 1980. – 79 p.

28. ZPRS: Za predelami russkix slovarej. – Flegon Press: London, 1973. – 408 p.

References

1. M.M. Bakhtin Aesthetics of verbal creativity / Comp. SG Bocharov ; podgot text . GS Bernstein and L. Deriugina ; Note . SS Averintsev and SG Bocharov . - M. : Arts , 1979 . - 424 .
2. Borukhov B.L. Mat as a philosophy of life / / House of existence. Lingvofilosofskoy almanac. - M. , 1994 . - Issue 1 . - p. 11-30 .
3. Vekker L.M .Mind and Reality . Unified theory of mental processes. - M. : Meaning , 1998 . - 685 p.
4. Devkin V.D. Aesthetic aspect . Decline. / School VD Devkina . Description colloquially : problems and prospects / comp . IP Amzarakova , VA Savchenko , ed . IP Amzarakovoy . - 2nd ed . , Rev . and add. - Abakan publ НРЕ "Khakassky Univ . NF Katanov " , 2010. - p. 88-95 .
5. Zhelvis V.I .The battlefield. Profanity as a social problem in the languages and cultures of the world / artist. D. Shimilis . - M.: Ladomir , 1997 . - 330 .
6. Plyasova F.N. Anthology of Russian mat . - M.: Lada , 1994 . - 304 .
7. Kovalev G.F. Once again on the Russian material (Concerning the article M.M. Makovsky) // Philological notes . - Voronezh , 1996 . - Issue 7. - p. 145-148 .
8. Larionov A. Informal student discourse : sociolinguistic aspects and lingvokulturologicheskij (based on graffiti) : Author. dis. Dr. ... Philology . Sciences . Ekaterinburg, 2010 . - 42
9. M.M .Makovsky Russian mat // Philological notes . - Voronezh , 1996 . - Issue 7. - p. 143-145 .

10. Popova E.A. About profanity // Russian speech. - 2009 . - № 1. - p. 48-52
11. Sedov K.F. Russian obscenities and levels of linguistic identity formation // House of existence. Lingvofilosofskoy almanac. - M. , 1994 . - Issue 1 . - p. 31-40 .
12. Shakhovsky V.I . Linguistic theory of emotions : a monograph . - Moscow: Gnosis , 2008 . - 416 .
13. Shahovsky V.I . Humiliation language. Context of the communication space in Russia // Russian strategy . - 2009 . - № 12 (72). - p. 51-57 .
14. Shakhovsky V.I. Emotive role in media ecology / / Changing communication in a changing world - 5 : a collection of articles ; V International Scientific Conference (2010 ; Volgograd) / Br. Ed. GG Slyshkin , IS Bessarabova ; FSEIHPE "Volgograd Academy of Public Administration ." - Volgograd Univ FSEIHPE "Volgograd Academy of Public Administration " , 2010. - p. 223-226 .
15. Heidegger M. Being and Time : Articles and Speeches / Cost . Ln. with it. and comm . VV Bibikhin . - M. : The Republic , 1993 . - 447 p.
16. Epstein M.N. Mat - the language of those who can not do anything // Ogonek . - 14.12.2009 . - № 31 (5109) . - p. 43-44 .
17. Epstein M.N. Odnoslovie as a literary genre // Continent . - 2000 . - № 104. - p. 279-313 .
18. Dreizin F., Priestly T. A systematic approach to Russian obscene language / / Russian Linguistics. 1982 . - № 6. - P. 233-249 .
19. Goleman D. The Emotional Intelligence. Why It Can Matter More than IQ? - Bentam Books, 1997 . - 354 p.

Electronic sources

1. OZON.ru: Russian literature furtive . - Publisher " Ladomir " // [electronic resource] . URL: <http://www.kodges.ru/15541-russkie-zavetnye-skazki.html> (date accessed 20/01/2011) .
2. Russian cherished tales in the treatment of AN Afanasiev // [electronic resource]. URL: [www.hobbitaniya.ru / afanasyev / zavetnskazki.php](http://www.hobbitaniya.ru/afanasyev/zavetnskazki.php) (date accessed 20/01/2011) .
3. Epstein MN Calling mat or new love dictionary // [electronic resource] . URL: Culture of writing . <http://www.grammar.ru/KOL/?id=1.42>. (date accessed 26/09/2010) .

Mass medial sources

1. Lysenko B. Obscene expressions on the walls of the Reichstag // Proceedings . - 12.09.1996 . - № 171. - C. 3.2 . TV program " NTVshniki : " Russia without the mat "" (22.10.2010 ; 23.00-0.00 hours).

Lexicographical sources

1. Dal V.I. Explanatory Dictionary of Russian language. V.1 . - Moscow: Russian, 1978 . - 699 p.

2. Mokienko V.M., Nikitin T.G .Russian profanity . A brief but expressive vocabulary. - Moscow: Olma Media Group , in 2010 . – 384
3. SDORO: Short Dictionary of Russian obscenities. Compiled by D.A. Drummond and G. Perkins. Second, revised edition. - Berkley: Berkley Slavic specialities, 1980 . - 79 p.
4. ZPRS: Za predelami russkix slovarej. - Flegon Press: London, 1973 . - 408 p.

(0,75 п.л.)